

© С.С. Петряшин, О.М. Фишман

«Ни одна идея, ни одно мероприятие не бывает вечно».

Интервью с Ольгой Михайловной Фишман

Ключевые слова: О.М. Фишман, финно-угроведение, советская этнография, полевая работа, Российский этнографический музей

Интервью С.С. Петряшина с О.М. Фишман посвящено ее профессиональной биографии, связанной на протяжении 40 лет с Российским этнографическим музеем. Интервью открывается обсуждением влияния семьи и университетского образования на становление этнографом. Далее раскрываются темы организации Финно-угорских и Шёгреновских чтений в Санкт-Петербурге, полевой работы в Латвии и музейных выставочных проектов. В заключительной части Фишман рассказывает об опыте экспедиционной работы среди тверских карел и дает оценку позднесоветской этнографии – ее проблемам и достижениям.

Фишман Ольга Михайловна – д.и.н., заведующая отделом этнографии Северо-Запада России и Прибалтики Российского этнографического музея, заслуженный работник культуры РФ (о творческом пути О.М. Фишман см.: *Засецкая, Конкка 2022: 7–18*).

Петряшин Станислав Сергеевич – к.и.н., научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, научный сотрудник Российского этнографического музея. s-petryashin@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0003-4410-7224>.

Для цитирования: С.С. Петряшин, О.М. Фишман. «Ни одна идея, ни одно мероприятие не бывает вечно»: Интервью с Ольгой Михайловной Фишман // *Антропологии/Anthropologies*. 2023. № 1. С. 234-248, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/234-248>

С.П.: Расскажите, пожалуйста, о своей семье, родителях, и какое влияние они оказали на Вас и на Ваше становление как этнографа.

О.Ф.: Ну, я думаю — самое прямое, поскольку моя мама, Морозова Анна Степановна, работала в разных должностях, а в последние десятилетия перед выходом на пенсию — в качестве заведующего отделом этнографии Средней Азии. Она была туркменоведом по своему образованию, закончившим в свое время, в 1920-е годы, географический факультет, на котором как раз тогда все этнографы и получали образование. И мое детство прошло под мамины рассказы об экспедициях. Потому что почти каждый год она ездила в Туркмению, в Узбекистан, в Казахстан. Темы у нее были самые разнообразные, а одна — я ее сейчас даже по-другому как-то стала воспринимать — изучение быта рабочих. Она защитила кандидатскую диссертацию после войны о рабстве у туркмен. Сейчас, когда мы очень много знаем и про советские времена, и про социальную историю Средней Азии, в том числе Туркменистана, конечно, звучит иначе, намного актуальней. Мама привозила не только рассказы, но и — поскольку я была школьницей, для наших всяких школьных рассказов, газет, всякие необычные и неожиданные продукты из Средней Азии. И, конечно, я испытывала гордость, что у меня есть то, что мне привезла мама. Конечно, мама очень много рассказывала про музей, потому что они с моим отцом, Михаилом Абрамовичем Фишманом, обсуждали те или иные музейные события, а папа умел давать дельные советы. Затем следующий этап моего профессионального становления, когда я уже стала довольно взрослым человеком — это моя сестра, Татьяна Александровна Бернштам. Мы жили вместе. Она много сделала для того, чтобы вырастить из меня профессионального этнографа. Она поручала мне очень разные по жанру статьи, типа отзывов, рецензий, каталогов и т.д. И, конечно, это помогло мне освоить очень многие виды письменной, не только устной — полевой истории.

С.П.: В какие годы это было?

О.Ф.: Это было, конечно, когда я уже первые годы работала в музее. Пришла я в музей из Публичной библиотеки, где полтора года проработала после рождения своего сына. Но, честно говоря, моя работа в каталоге не была очень интересной, ну чему-то она меня, конечно, научила...

С.П.: Библиографом?

О.Ф.: Библиографом, да. Причем, старшим библиографом — из-за высшего образования. Но это было довольно скучновато. Это на особинку такая работа. И я, заскучав, бросила клич в семье, что я больше не могу здесь работать! Вы знаете, когда я училась в университете, я училась по совершенно другой профессии, я закончила кафедру Средних веков по Византии.

С.П.: А почему так вышло?

О.Ф.: Опять же, моя сестра посоветовала в виду того, что тогда среди студентов почти не было византинистов, а византинисты-преподаватели были в университете как таковом. Училась я у Георгия Львовича Курбатова. Он был известным исследователем византийского города. Автор не только статей, но и монографий. Кроме того, я писала одну из своих курсовых работ у Али-

сы Владимировны Банк. Это эрмитажный специалист, искусствовед очень известный. Через нее я познакомилась с очень большим количеством литературы, потому что она, будучи таким специалистом, имела очень большую научную библиотеку. Это, конечно, расширило мой кругозор. И на последнем витке, перед окончанием университета, моим руководителем был Яков Николаевич Любарский. Он — лингвист, очень образованный специалист из известной петербургской гуманитарной семьи, в их доме была замечательная библиотека. Яков Николаевич был весьма доброжелательным человеком, и поэтому запомнились многие разговоры, обсуждения, советы. Хотя, конечно, знания по истории Византии вернулись ко мне совершенно неожиданным образом, поскольку ничего в этой жизни не бывает случайным. И в профессии особенно. Всегда что-то приговядается.

С.П.: Когда Вы начали заниматься карелами-старообрядцами?

О.Ф.: Да! Именно так, именно так. Очень помогло мое образование. Во-первых, я умела читать тексты на древнерусском и на славянском. И, в общем, имела некое общее представление о церкви как таковой в истории Византии и, соответственно, в истории России. В этнографии, конечно, моими наставниками и учителями была мама, которую я упомянула, Анна Степановна Морозова, и, конечно же, сестра, Татьяна Александровна Бернштам. Очень привечал меня Кирилл Васильевич Чистов. Он очень во многие вещи как бы втягивал меня: в участие в разных конференциях, причем в определенном качестве. Кроме того, от Кирилла Васильевича я получила очень большую поддержку, когда здесь, в Питере, сформировалась идея о создании ассоциации финно-угроведов Петербурга. Это был конец 1980-х — начало 1990-х годов. Мы начали с того, что провели финно-угорские чтения, на которые я собрала весь цвет финно-угроведения Петербурга. Причем многие меня спрашивали: зачем это нужно? Это же так сложно, так хлопотно. Участвовали все учебные и академические учреждения: это были лингвисты, этнографы, антропологи, археологи — то есть все. Она была очень интересная — эта конференция. По итогам мы издали сборник «Современное финно-угроведение: опыт и проблемы». Он разошелся моментально, и тогда директором¹ был доктор исторических наук, археолог Игорь Васильевич Дубов, которому тоже все очень понравилось. Поэтому эти финно-угорские чтения в течение довольно длительного времени проводились наряду с изданием сборников. Понимает, это были такие годы, 1990-е, когда мы наивно полагали, что пришли другие времена, и мы можем помочь нашему народу, нашим культурам, Отечеству в его изучении. И поскольку речь шла о Ленинградской области, в первую очередь речь шла о таких народах как вепсы, ингерманландские финны, воль, ижора, многие из которых находились уже на стадии полной ассимиляции, то мы обратились в Правительство Ленинградской области. При нем был комитет — он менял названия — по межнациональным делам. Тогда им заведовал человек настолько далекий от всего того, чем мы с вами, профессионалы, занимаемся. Он был военным в отставке, но родом из вепских деревень, поэтому эта проблематика была у него на слуху. И мы с Александром Сергеевичем Гердом — это известный лингвист, основатель регионалистики — ходили, объясняли неоднократно, что при этом комитете или «отделении» не помню, как тогда точно называлась, эта служба в Прави-

¹ Дубов Игорь Васильевич (1947–2002) был директором Российского этнографического музея в 1987–1999 гг.

тельстве Ленинградской области нужен какой-то Ученый совет, на котором мы могли бы решать вопросы насущные, связанные с расселением, с социальными проблемами. Из этого почти ничего не получилось. Мы зарегистрировались, собрали с помощью моих коллег из всех институтов целый фонд программ, который, предлагали, например, Институт истории, Институт социологии и др. для изучения: начиная от неизвестных архивных свидетельств и заканчивая сегодняшним днем в ситуации с коренным населением Ленинградской области. Это были совершенно невероятные проекты! Я их, к счастью, все сохранила. И они находятся сейчас в архиве нашего музея: Архив Санкт-Петербургской ассоциации финно-угроведов.

С.П.: Я правильно понимаю, что потом из этих финно-угорских чтений выросли регулярные музейные конференции — Шёгреновские чтения?

О.Ф.: Да, именно так. Время шло и, естественно, ни одна идея, ни одно мероприятие не бывает вечно, потому что все вызвано временем, интересом, обстоятельствами и желанием людей участвовать в этом. И мы, надо сказать, довольно успешно работали. Потому что состоялось довольно много финно-угорских чтений, на которые потом стали приезжать специалисты из других городов: и с Северо-Запада, и из Москвы и т.д. Одним словом, одним из результатов этих финно-угорских чтений было то, что мы все впервые увидели и узнали друг друга. И это, конечно, стало давать свои плоды: и по проектам, и по книгам, и по направлениям. И вот меня, возвращаясь к Кириллу Васильевичу, он очень поддержал тогда с организацией Ассоциации, к нам тогда даже приезжали целые команды из Финляндии, из ученых, которые слушали нас и тоже говорили, что да, это хорошая идея — создание Ассоциации и возможность сотрудничества с аналогичными ассоциациями или обществами в той же Финляндии. Так что задумки были у нас грандиозные. Что-то из этих планов осуществилось. В свое время, в сборнике, посвященном памяти Александра Вильямовича Гадло², я написала очень большую статью — 32 страницы, где я попыталась эту историю финно-угроведения в Петербурге, в Ленинграде, а потом, соответственно, снова Петербурге — описать. Причем, по направлениям: вот лингвистика, вот история, вот археология, этнология и т.д. И я там вспомнила всех, с кем мне довелось сотрудничать, контактировать, кто стал моим, в том числе, наставником.

Директором нашей ассоциации финно-угроведов был очень известный археолог — Евгений Александрович Рябинин, доктор исторических наук. А я была при нем исполнительным директором. Я чрезвычайно благодарна всем коллегам, которые, несмотря на отсутствие денег, работали, и мы не только проводили чтения и издавали сборники, но и часто собирались. И наши сборища, Кирилл Васильевич тоже это очень часто отмечал, это не просто были какие-то такие симпозиумы, конференции, на которых один доложил, второй доложил, третий доложил. У нас всегда было обсуждение. И благодаря этому как раз и стало понятно, что мы знаем о Ленинградской области, о Северо-Западе, о русском населении, и о прибалтийско-финском населении в Северо-Западном регионе. И это потому, что такие умы в этом всем участвовали.

² Гадло Александр Вильямович (1937–2002) — советский и российский археолог и этнограф-кавказовед, заведующий кафедрой этнографии и антропологии Исторического факультета СПбГУ в 1990–2002 гг.

В общем, такая вот история, которая должна была иметь какое-то продолжение. Поэтому спустя какое-то время по завершении этих чтений мы решили провести небольшой рабочий питерский семинар, посвященный Андреасу Шёгрёну³. Он был связан с юбилеем этой замечательной персоны, основателя финно-угроведения. Получилось очень интересно, неожиданно. Сборник вышел очень маленький, очень тоненький, но очень интересный. Но я преследовала еще одну цель — задать вопросы участникам: как Вы считаете, вот прошло порядка 7–10 лет по завершению финно-угорских чтений. Может быть, появились новые люди, новые идеи, новые проекты, может быть, вообще пришли другие времена? Может быть, нам стоит возродить такую идею уже в виде чтений, посвященных Шёгрёну? Все поддержали. В 2020 г. состоялись уже IX Шёгрёновские чтения и издан девятый сборник по итогам этих чтений. В них участвовало до ста человек, причем из регионов и территорий классического Северо-Запада. Постепенно известность этих чтений нарастала, потому что издавались очень обстоятельные сборники. Присоединились, кроме моих замечательных друзей в Петрозаводске — Псков, Новгород, Архангельск, Москва, Череповец и Прибалтика с Финляндией. И все эти сборники, которые мы издавали, все были с международным участием. Это всегда раздвигает тематические границы исследований и знакомит нас с направлениями, методиками, связанными с работой в архивах, с полевой работой. У нас были выбраны такие замечательные темы для обсуждений: это регионалистика в современных центрах. Каждый имел возможность об этом высказаться. Лингвист ли он, филолог ли он, архивист ли он, топонимист и т.д. Это была только одна из тем — регионалистика. Затем была обозначена другая тема, собственно говоря, этноконфессиональной истории. Это то, что отличало наше собрание от многих других конференций. И надо сказать, что акценты получились очень любопытные. Появилась тема, которая в отношении изучения Северо-Запада вообще-то не звучала особенно — это старообрядчество. И это подвигало людей к полевым исследованиям. Например, моя коллега, Людмила Валентиновна Королькова, стала активно работать в архивах, и за многие годы ей удалось собрать очень много архивной информации, которой раньше никто не пользовался, потому что тема старообрядчества, как такового, долгое время была под запретом, и занимались у нас в стране ею исключительно археографы.

С.П.: Скажите, пожалуйста, во время работы в музее, в советское время, у Вас были такие темы, которыми хотелось заниматься, но из идеологических соображений это было опасно?

О.Ф.: Вы знаете, я не могу этого сказать, я пришла молодым, начинающим и не сведущим этнографом.

С.П.: В каком году?

О.Ф.: В 1972 г., и попала сразу вот в такой прямо омут экспозиционно-выставочной работы. 1972 год — это юбилейный год образования СССР. И мы должны были построить впервые в музее экспозицию, посвященную народам Прибалтики: эстонцам, латышам и литовцам. Я не могу сказать, что до этого прибалтийская тема отсутствовала, но это были выставки по искусству При-

³ Шёгрён Андрей Михайлович (фин. Anders Johan Sjögren) (1794–1855) — финский и российский лингвист, историк, этнограф, основатель финно-угроведения.

балтики. А тут оказалось, что в фондах наших не хватает материалов, которые позволили бы построить полноценную, согласно тем временам, представлениям о том, что такое экспозиция. Вот с этого времени я стала активным полевиком. Занималась латышским языком, потому что первая же моя экспедиция, в которую меня одну не пустил и это правильно — это продемонстрировала. Со мной поехала заведующая отделом Прибалтики Дина Алексеевна Горб, она была специалистом по Литве, а позже занялась вепсами, очень активно, интенсивно и результативно. А со стороны Латвии участвовал заведующий сектором этнографии в Институте истории Академии наук Латвии, впоследствии академик Саулведис Цимерманис. И это еще один мой учитель в профессии. Он был очень доброжелательно расположен, и поэтому моя первая экспедиция на запад Латвии показала мне, что без языка тут делать нечего. Ну, в силу истории. Да и жители хуторов русского языка не знали...

С.П.: Мало времени прошло еще?

О.Ф.: Да, прошло мало времени, а особенно, если говорить о пожилых людях, которые в советской школе не учились. Это было очень любопытный опыт. Я увидела ту Латвию, которую я себе даже не представляла, хуторская Латвия, западная ее территория, где очень много еще сохранилось замков средневековых. То есть пейзаж другой, природа другая, люди другие и культура совершенно другая. Дина Алексеевна и Саулведис, посмотрев, как я работаю, сказали: все, дальше на восток езжайте сама — в Латгалию, пожалуйста, где с русским языком все понятно, а кроме того — это такая архаичная территория была, а экспонатов у нас в музее почти не было. А стояла задача собрать крупногабаритные экспонаты для экспозиции: у нас в музее был свой автобус, на протяжении ряда лет мы ездили на автобусах. Это было здорово. Мы привозили целые автобусы экспонатов. Конечно, это облегчало очень работу. И в Латгалии, конечно, было совсем по-другому, потому что здесь даже пожилые женщины, которые еще учились во времена Российской империи в гимназиях прекрасно говорили по-русски. И вот я увидела две разные Латвии абсолютно. Затем мне пришлось ездить и в другие места, потому что сама территория Латвии делится на разные природно-географические, а не только этнографические зоны. Нужно было собирать, например, рыболовство. Это — Рижский залив. И тут мне Саулведис тоже дал наводки, потому что его любимая тема была, рыболовство речное, озерное, пресноводное, короче говоря. У него очень много работ об этом вышло. И поэтому я довольно подготовленной поехала в эти места. Это, Лимбажский район, восток Рижского залива, где я увидела рыбацкую культуру. Это же совершенно другая, абсолютно другая категория смелых рыбаков, веселых, здоровых, энергичных. И там была другая совершенно практика работы и сбора экспонатов. Многие рыболовецкие колхозы и совхозы были тогда миллионеры. У главы совхоза-миллионера «Энкурс» (значит «Якорь») был колоссальный кабинет, он сидел в конце стола, разговаривал очень быстро и четко, потому что имел опыт такой работы. И он вызвал учительницу, которая стала и моим проводником и переводчиком, потому что тут было довольно трудно. И когда мы приходили в тот или иной дом, учительница эта замечательная говорила, что прислал председатель — разговоров не было. Никаких. Все выволакивали, все показывали, все разрешали. Что-то удавалось приобретать за деньги, потому

что, конечно, выдавались деньги на экспедиции, а что-то получали в дар, как и в любой другой экспедиции до сегодняшнего дня⁴.

Латвия, кроме того, познакомила меня и с современной культурой. Прежде всего, со знаменитыми праздниками песни, которые для меня стали открытием в познании культуры Прибалтики, т.к. в 1970-е, 1980-е, 1990-е годы, как, впрочем, и сейчас, они были традиционными для всех трех республик: в Эстонии, Латвии и Литве. Когда я первый раз оказалась на 100-летнем юбилее Праздника песни в Риге, я была потрясена всем: осознание того, участником чего я стала, пришло несколько позже. Ну, во-первых, в каждой из столиц — громадные, находящиеся под открытым небом, парки с колоссальными эстрадами, где собирались на самой площадке сводные хоры, которые там выступали, и танцевальные коллективы — до десятка тысяч человек. Это что-то совершенно невероятное, не говоря уже об этих открытых залах, где, как мне казалась, ну я так для себя это называла — вся Рига. И тогда же я обратила внимание, что маленькие дети были одеты в национальные костюмы. Спрашивать мне было не у кого. Объясню попозже, почему. Первые отделения этих праздников были сугубо советские. Они были все построены на советском музыкальном репертуаре. А зато второе отделение, вечером уже, в темноте, когда зажигались по обе стороны эстрады колоссальные факелы и люди сидели со свечами, и все начиналось с песни на слова Яниса Райниса «Вей ветерок», а это, собственно говоря, негласный гимн латышей. И все вставали, взявшись за руки и размахивая этими горящими свечами, пели. Я поняла, что нахожусь на каком-то чужом празднике, мне неведомом. И я бывала там потом неоднократно, как-то стала посвободнее говорить о природе этого праздника с коллегами в Институте. А когда у нас в музее начался сбор предметов по теме «Современные праздники и обряды», я приехала в Ригу в Институт, и Цимерманис попросил меня рассказать об этой теме на заседании отдела, что я и сделала. И оказалось, что для них это была запретная тема — не для нас, а для них. Потому что значительная их часть была родом из далекого прошлого. То есть тема обрядовой культуры для латышей была закрытой темой.

С.П.: Даже если говорить про современность?

О.Ф.: Тем более. Тем более. Но надо сказать, что вот мы их подтолкнули к этому. Они стали этим заниматься, вышли публикации...

С.П.: А, то есть это было закрыто для них как...

О.Ф.: Для исследователей местных. Открытой темой для них были латышские стрелки. Я со временем поняла, насколько история советской Латвии, начиная с красных латышских стрелков, отразилась на менталитете местных историков. Не доводилось бывать в Риге? Там на берегу Даугавы стоит (стоял, не знаю, стоит ли) замечательный памятник одного из известнейших латвийских скульпторов, посвященный латышским стрелкам. Очень монументальный, серьезный. А за ним здание такое большое — это был Музей латышских

⁴ Подробнее об экспедициях О.М. Фишман 1970–1980-х годов см. видео-интервью: <https://ethnomuseum.ru/collections/projects/expeditions/etnograficheskaya-ekspediciya-ot-pervogolice-seriya-video-interv-yu/olga-fishman-1/> <https://ethnomuseum.ru/collections/projects/expeditions/etnograficheskaya-ekspediciya-ot-pervogolice-seriya-video-interv-yu/olga-fishman-2/>.

стрелков. Теперь это Музей оккупации⁵. И мне доводилось встречаться с этими уже очень пожилыми людьми в поле. И по-моему, даже одна экспедиция с Саулведисом Цимерманисом была. Я тогда очень как-то удивилась: они вели себя как хозяева ситуации, как знатоки всего и вся в истории Родины своей. Фильмы, которые я видела, снимавшиеся в советское время, они были очень политизированными. Через какое-то время, когда и Саулведис Цимерманис, и мои коллеги из Бривдабас музэйс — это музей под открытым небом — Мартиншс Куплайс, Ириса Придитэ — это очень известные этнографы, дай им Бог здоровья — почувствовали доверие ко мне. Вот ведь еще, что приходилось делать, и идти к тому, чтобы эти отношения нашли какое-то продолжение в нашей работе: и в совместной работе, и в экспедиционной. И в понимании того, что такое Прибалтика. Только благодаря им я получила это знание и понимание. Но это тема отдельная. Я не хотела бы сейчас о ней говорить. В другой раз.

С.П.: Скажите, пожалуйста, почему Вы, когда пришли в музей, стали работать именно в отделе Прибалтики?

О.Ф.: Дело в том, что получилась такая история. Маме я должна сказать спасибо. Она уже была пенсионного возраста, пришла к Дориану Андреевичу Сергееву⁶, который тогда возглавлял музей — доктор наук, археолог. Она сказала: я ухожу, но Вы возьмете мою дочку! Так и получилось. А место было в отделе Прибалтики, потому что тогда ушла из музея заведующая — Татьяна Тимофеевна Денисова, которая сама была родом из Риги, знала язык, училась там в школе. Она ушла из музея, а я вам говорила в самом начале: надо было строить новую экспозицию по Прибалтике, вещи надо было привозить. И вот я очень всерьез этим занялась. Цимерманис — тоже показатель определенный — даже предложил мне тему диссертации, но это была не моя тема, тоже не буду о ней говорить. Экспозицию построили. Но уже тогда была такая практика в музее: мы работали по инвентаризации и сверке в фондах, все, каждый сотрудник. Отсюда мое хорошее знание того, что хранится у нас в музее, в нашем отделе и в наших фондах. Он ведь очень большой, но я знаю все. Именно благодаря той работе. И я уткнулась глазами, носом, как потом оказалось, и сердцем, и душой в экспонаты, которые рассказывали о тверских карелах. Ничего более яркого, впечатляющего, мощного я у нас в фондах не увидела. Хотя наверняка были и другие вещи — те же саамы, финны, но я уткнулась носом в тверских карел...

С.П.: В их утварь!

О.Ф.: Да, потому что текстиль, костюм — это не мое. У каждого есть свои какие-то приоритеты. Вот, деревянная утварь. И мне удалось создать классификацию и типологию деревянной утвари не только верхневолжских карел, как написано на обложке моего автореферата (Фишман 1986), но, собственно говоря, всей лесной зоны России, Евразии. И карты, которые у меня там были, например, по бересте, зонах распространения бересты и какие типы утвари там бытовали. У кого так, у кого сяк. Но очень многие закономерности

⁵ Музей оккупации Латвии (латыш. Latvijas Okupācijas muzejs), Рига.

⁶ Сергеев Дориан Андреевич (1928–1984) возглавлял Государственный музей этнографии народов СССР в 1968–1977 гг.

удалось определить. Поэтому моя статья по типологии изделий из бересты, которая была опубликована в сборнике МАЭ, так вот на нее ссылаются до сих пор. Это значит, что я все делала профессионально, скажем так.

О.М. Фишман с информантом Н.В. Лихачевой, 1916 г.р. Тверская обл., Весьегонский р-н, с. Чамерово. Карелы. 2012 г.
// Из личной коллекции О.М. Фишман

С.П.: А кто был руководителем?

О.Ф.: Моей руководительницей по кандидатской диссертации была Людмила Михайловна Сабурова, тоже сотрудник МАЭ. Она была и директором МАЭ одно время. И она все говорила: «Олечка, ну зачем Вы так размахнулись? Нельзя ли это все как-то сузить?». Надо сказать, что такая же реакция была у моего оппонента, замечательного петрозаводского этнографа Розы Федоровны Тароевой-Никольской впоследствии. Она этнографом становилась бок о бок с Пименовым. То есть у нее очень хорошая школа была этнографическая. И она очень надо мной подсмеивалась в этой связи. Но в последние годы я своим петрозаводским коллегам, которых я очень люблю и уважаю, у нас замечательные отношения, сложившиеся благодаря Шёгреновским чтениям, говорю: «Ребята, а почему Вы так закрылись на изучение карел Карелии, когда будто нет других карел? Тогда картинка будет другая!». В общем, я написала статью об этом. Не знаю, будут ли на нее ссылаются или нет. Вот так вот началась моя история. Было очень много экспедиций...

С.П.: Людмила Михайловна Сабурова, насколько я знаю, занималась русскими, мордвой, и вдруг карелы...

О.Ф.: Дело в том, что она к этому времени уже была сотрудником отдела восточных славян, Восточной Европы, и у нее уже время было на меня. А кроме того, со мной очень много занималась моя сестра Татьяна Александровна Бернштам, которая была прекрасным редактором, что отмечали практически все, чьи статьи прошли через ее глаз, ее руку и т.д. Она учила писать, мыслить четко, ясно, «без всяких-яких», что называется. Это очень хороший опыт был. Не каждый исследователь может стать учителем такого рода, как стала для меня моя сестра.

С.П.: А можете сказать, какая была ваша первая авторская выставка, которую Вы сделали по своей идее, концепции?

О.Ф.: Ну, надо сказать, что моя школа обучения по этому направлению

работы началась, как я уже сказала, с экспозиции. И там нужно было писать абсолютно одинаковые тексты по всем народам на всех экспозициях, что меня тогда, честно говоря, удивило. Подобные тексты есть на экспозиции «Народы Поволжья», кстати говоря, до сих пор. Она же была построена в 1977 г. под руководством замечательного финно-угроведа и музеолога Татьяны Александровны Крюковой, а меня этому учили. Это было довольно скучное дело, надо сказать, — писать тексты для экспозиции. Затем у меня продолжался опыт именно экспозиционный, потому что музей создавал тогда большие общемузейные проекты, например, по современным праздникам и обрядам. Я участвовала очень активно в этом проекте. И привезла очень много экспонатов, которые сейчас Вы, например, на своей выставке экспонируете⁷. Причем, знаете, это тоже был такой интересный опыт работы и общения с методистами в сельской местности, которые эти праздники устраивали. Мне стало, например, понятнее, что такое замечательный, созданный, как и «Калевала», латышский эпос «Лачплесис», потому что я работала на родине Лачплесиса, в одноименном совхозе-миллионере. В результате оказалась, что те экспонаты, те материалы полевые, информационные и документальные, которые сейчас у нас в музее, только у нас в музее и оказались. Потому что никто до этого тогда их не собирал в самой Латвии. В постсоветское время я делала доклад о нашем собрании в Риге. Я рассказывала, например, что среди фотоколлекций есть целая подборка про завод «ВЭФ»⁸. Где сейчас этот завод? Его нет. И я коллег своих тогда, а я приехала после большого перерыва, очень деликатно спрашивала: «как Вы считаете, это является источником историческим?» Они все сидели и кивали головами — конечно, конечно. Вот это к тому, чем обладает наш музей сейчас. Но если говорить о собственно выставках, правда, очень больших, они связаны как раз с той темой, которая озвучивалась в самом начале нашего интервью как тема наших финно-угорских, а потом впоследствии Шёгреневских чтений. «История населения Ленинградской области» — первая выставка, она была там, где сейчас наша экспозиция находится⁹.

С.П.: Это была временная выставка?

О.Ф.: Да-да. Она стояла несколько лет. И более того, на ней мы научились писать иные тексты, которые были бы интересны человеку, который придет на эту экспозицию. Потому что краеведов, членов национальных обществ, здесь более, чем достаточно. И зачастую они знали больше, чем знали мы тогда. Мы делали выставку — первую по истории Ленинградской области — вместе с дирекцией Объединенных музеев Ленинградской области. Поэтому там были памятники археологии, поэтому мы получили очень много материалов из музеев Ленинградской области. Одним словом, вот тогда появился опыт больших мегапроектов, собственно говоря, в которых участвовали представители разных учреждений — не только музейных, но и библиотечных, и архивных. Это был очень хороший опыт и очень хорошая выставка. Моим

⁷ Имеется ввиду выставка «Новый человек: между утопией и традициями. К 100-летию образования СССР» (Российский этнографический музей, октябрь 2022 — май 2023).

⁸ Рижский государственный электротехнический завод «ВЭФ» (латыш. VEF, Valsts Elektrotehniskā Fabrika), (1919–1999).

⁹ Имеется ввиду экспозиция «Народы Северо-Запада России и Прибалтики. XVII–XX вв.» (2003) на первом этаже левого крыла Российского этнографического музея.

коллегам удалось о ней написать, она опубликована в теперешнем «Этнографическом обозрении». Но знаете что: начиналось все довольно любопытно. В 1991 или 1992 г. мы сделали небольшую фотовыставку — там, где у нас раньше был расположен кинозал в очень небольшом зале, там 30, что ли метров квадратных — по ингерманландским финнам на основании нашей коллекции. На нее приехал Невзоров — небезызвестный персонаж в истории журналистики петербургской — по звонку музейного коллеги. Называть я его не буду. Мы его все хорошо запомнили, а потом простили. Он считал себя, так сказать, знатоком Ингерманландии, и эта выставка почему-то вызвала у него какое-то отторжение. И тот текст, который звучал на передаче «600 секунд» на телевидении, он меня возмутил страшно. Потому что он не имел никакого отношения к тому, что мы там показывали, какую задачу поставили. Несколько десятков лет прошло с 1930-х годов, когда музей впервые эти материалы экспонировал. Но надо сказать, в связи с чтениями, от которых мне никак не отойти, и в которых принимали участие представители в том числе ингерманландско-финского сообщества, наше знакомство с ними начиналось тоже довольно сложно. Потому что на нас переложили всю вину за прошедшие десятилетия, что этнографы не изучали, не писали, не публиковали материалы о ленинградских финнах, но это было действительно так. Это была закрытая тема. Прошли многие десятки лет, я услышала уже совершенно другие оценки от тех же самых людей, которые сказали: «Вы единственная оказались, кто не бросил этой темы». Хочется верить, что нам удастся это продолжить и в нынешних обстоятельствах.

С.П.: Ольга Михайловна, скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете развитие науки раньше и сейчас? Что препятствовало развитию науки, а что способствовало?

О.Ф.: Мне, наверное, повезло, потому что я как начинающий этнограф сформировалась уже ближе к закату Советского Союза, соответственно, и той идеологии, которая для нашей сильно идеологизированной и политизированной науки была главной темой, ведущей. Но я этого тогда вот так в глубине души и ума своего не очень понимала. Мне непонятны были — вот я уже говорила — очень убогие тексты экспозиционные, еще какие-то вещи частного характера. Но, честно говоря, я прекрасно помню, как по выходу книги Ю.В. Бромлея про этнос (*Бромлей* 1973) Кирилл Васильевич Чистов, который был членом нашего Ученого совета¹⁰, как и моя сестра Татьяна Александровна Бернштам они над нами... ну так вот шефствовали. Организовывали разного рода семинары. Это 1970-е годы, один из них был по этой монографии. Нас, молодых научных сотрудников, было не очень много: Наталья Моисеевна Калашникова, Владимир Александрович Дмитриев, Елена Георгиевна Царева и еще несколько человек. Ну и я в том числе. И нам такой ликбез был задан: прочитать одному часть монографии, другому — другую, третьему — третью и попробовать это, поняв, разобравшись, изложить для своих коллег. Вот это был семинар так семинар. И это тоже была школа: в усвоении терминологии новой, совершенно незнакомой, тем более для музейных этнографов...

С.П.: То есть позвали только молодежь?

¹⁰ Ученого совета Государственного музея этнографии народов СССР.

О.Ф.: Нет, мы доклады делали.

С.П.: Для всех сотрудников?

О.Ф.: Да, для всего коллектива. Кирилл Васильевич подправлял, задавал вопросы и прочее, и прочее. И у нас тогда были более тесные связи с Кунсткамерой, нежели чем потом. Хотя, зародившиеся еще при мне, эти связи позволили установить человеческие, чисто профессиональные отношения с очень многими коллегами из Кунсткамеры. Но пришли 1990-е годы. Вы знаете, я как раз в это время, в 1989 г. — это было накануне — решила поехать к тихвинским карелам-старообрядцам, о которых я слышала, но к которым никто из специалистов-этнографов не ездил. Там был мой коллега из Петрозаводска, Владимир Дмитриевич Рягов, лингвист, который после своих экспедиций на протяжении ряда лет издал две монографии лингвистического характера. Как-то я вот так легко поднялась и поехала, хотя было, надо сказать, немного напряжно. И это была тоже моя школа совершенно другой работы, абсолютно. После первой экспедиции у меня состоялся целый ряд экспедиций с коллегами этномузыковедами, фольклористами, музейными сотрудниками Ленинградской области, студентами кафедры этнографии, ну в общем комплексные были такие экспедиции. С археографами я тоже была в экспедиции — это такой замечательный совершенно опыт, который позволил эту культуру своеобразную изучать так, как ее этнографы не изучали никогда. И поэтому книга моя «Тихвинские карелы-старообрядцы: жизнь по вере» (Фишман 2003), была хорошо встречена именно моими коллегами археографами. Ее рассматривали как образец описания микроистории как таковой, и в том числе благодаря работе с разными специалистами мне удалось оценить и книжное собрание старообрядческое, и топонимику. У меня в деревне был замечательный совершенно информатор. Он когда-то был председателем совхоза «Новый быт», довольно крепкое было хозяйство. Как местный человек, он знал каждый бугорок и пригорочек, разумеется. И мы с ним брали карты из администрации, раскладывали у него в доме на столе — громадные карты, там же каждый бугорок действительно обозначен. И он мне говорил карельские названия, что-то исправлял и т.д., поэтому у меня сложилась редкостная топографическая такая карта, она тоже сдана сейчас в архив, а сделана была она с помощью Ивана Семеновича Глыбина.

Приобретение экспонатов для музея. Тверская обл., Весьегонский р-н, с. Чамерово. Карелы. 2012 г. // Из личной коллекции О.М. Фишман.

Знаете, опыт моей полевой работы, конечно, со временем обогащался. И поэтому, когда я уже в XXI в. решила вновь поехать к тверским карелам, тоже в прошлом старообрядцам, я была уже, конечно, хорошо подготовлена по «вытягиванию» информации, потому что в памяти карел все уже быльем поросло. И вот последнее, что я хотела бы сказать — это, Вы как мой коллега, поймете радость от моего этого маленького открытия. Я встретила с замечательной личностью и информантом, ее уже нет в живых, она умерла в 90-летнем возрасте, карелка Надежда Васильевна Лихачева. Как она себя называла, «читалка по покойникам». Я написала о ней статью. Она уже забыла карельский, хотя знала его прекрасно еще в 1980-е годы, когда к ней приезжали эстонские лингвисты. Одним словом, когда она рассказывала о своей семье, и когда я стала смотреть ее библиотеку, я смотрю — часовник старообрядческий, издание Преображенского кладбища в Москве. Я говорю: а это у Вас откуда? — А мой дядя был наставником в соседней деревне (деревни этой уже нет, только кладбище осталось) Чурилково.

Я аж подпрыгнула на месте! Почему? Потому что Иван Яковлевич Библибин, знаменитый наш художник и вместе с тем собиратель нашего музея, собрал небольшую, но очень емкую карельскую коллекцию именно в этой деревне. Слово «старообрядцы» ни в каких документах не значится. Но зато теперь, когда мы работаем над сайтом «Собиратели»¹¹, я это указала, потому что это уже абсолютно документально точно и подтверждено. Так что фонд наш музейный — по какому бы народу он не был — он хранит еще много интересных открытий.

С.П.: Позвольте еще один уточняющий вопрос: вот Вы начали говорить про эти семинары по теории этноса. В итоге какое-то влияние оказало это на работу?

О.Ф.: Безусловное влияние, потому что у нас, как у людей образованных, в какие бы времена мы не жили, это чувство современности есть, потому что без этого нет нас как историков — грош нам цена. Поэтому мы не могли не услышать новую терминологию, новую методику, ведь благодаря Ю.В. Бромлею сформировалось целое направление, представленное специалистами очень высокого класса. Высокого класса советские этнографы, про которых теперь забыли.

С.П.: Кого Вы имеете в виду?

О.Ф.: Например, Маркарян, Арутюнов, Чеснов¹² и другие авторы, занимавшиеся этнической историей того или иного региона, были отличными полевыми исследователями. Знаете, мне довелось, ну видимо в противовес тому, какие начались процессы в нашей современной этнографии, или как предпочитают говорить — этнологии, культурной антропологии — ссылаться на ряд тех моих научных учителей, с которыми я лично не была знакома, но это были

¹¹ Материалы онлайн-проекта «Собиратели» доступны на сайте Российского этнографического музея: <https://www.ethnomuseum.ru/collections/projects/collectors>.

¹² Маркарян Эдуард Саркисович (1929–2011) — советский и армянский культуролог, философ. Арутюнов Сергей Александрович (род. 1932) — советский и российский этнограф, историк, археолог. Чеснов Ян Вениаминович (1937–2014) — советский и российский этнограф, историк.

умнейшие и образованнейшие люди. Бгажноков¹³ писал, и по прошествии многих десятков лет, когда я перечитала его заново, вдруг у меня всплыли его рассуждения об этике полевой работы, о том, что, когда ты приезжаешь в поле, не надо прикидываться своим, ты все равно не будешь своим. Причем это писал представитель одного из народов Кавказа, знающий язык прекрасно, но чужой по культуре, образованию и т.д. И вот это меня тогда поразило: «Ах, как хорошо! Как точно! Как правильно!» Не надо прикидываться своим, надев платочек, отрастив бороду и что-то в таком духе. Поэтому многие их работы, тогда уже написанные, и тогда прочитанные, они потихоньку как бы подводили к пересмотру своей внутренней позиции. Во всяком случае, моя полевая работа, про которую я Вам рассказывала, как она началась, это ведь тоже необычно было, да? Она показала, как мне не хватает знаний истории, как мне не хватает знаний этнографии, потому что в Латвии, с которой у меня все начиналось, тогда писали и издавали в основном на латышском языке. Очень мало было публикаций на русском, очень мало. И вот это освоение, вслушивание, которое позволило что-то и за кадром прочитывать, и между строк, в результате сделало меня настоящим полевиком. И кроме того, привело к пониманию того, что изучение культуры того или иного народа должно быть комплексным. Ты должен постоянно наращивать круг своих знаний. Оно должно быть поистине междисциплинарным, а этот термин появился именно тогда. Еще толком никто не знал, что это такое. Но одним это было дано понять и признать, а другим и до сих пор не дано, честно говоря.

С.П.: Вам когда-нибудь приходилось преподавать?

О.Ф.: Нет. Вы знаете, почему-то с самого начала, когда мне даже говорили, что я хорошо говорю, что я владею аудиторией, потому что имею большой опыт лекций в музее, начатый очень, так сказать, скромно, а потом, разумеется, нарастившийся. Вы знаете, я, наверное, чувствую большую ответственность перед студентами. Чувствовала всегда и мне казалось, что я не имею на это право. Это честно, во всяком случае. Кроме того, опыт университетских преподавателей был разный. Были прекрасные лекторы, от которых сердце замирало, стучало от волнения, а были и такие, с лекций которых хотелось уйти — настолько это было неинтересно. Одному одно дано, другому — другое. Мне кажется, что я писатель. Говоритель тоже рассказчик, да? Это так.

*Дата проведения интервью 22.11.2022.
Расшифровка текста: С.С. Петряшин*

Литература

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

¹³ Бгажноков Барасби Хачимович (1947–2020) — советский и российский историк и этнограф.

Засецкая М. Л., Конкка А. П. Вместо предисловия. К юбилею О.М. Фишман // Северо-Запад. Этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт-3. Девятое Шёгреновские чтения с международным участием. К 75-летию О.М. Фишман: Сб. ст. СПб., 2022. С. 7–18.

Фишман О. М. Деревянная утварь верхневолжских карел. XIX–XX вв. Автореф. дисс. к. и. н. Л.: ИЭ АН СССР (ЛО), 1986.

Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы М.: Индрик, 2003.

Interview

Petriashin, S.S. «No idea, no event lasts forever»: Interview with Olga Mikhailovna Fishman Petriashin S.S., Fishman O. M. Interview [Ni odna idea, ni odno meropriatie ne byvaet vechno] *Anthropologies*, 2023, no 1, pp. 234-248, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/234-248>.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Petryashin Stanislav Sergeevich | researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russian Ethnographic Museum | s-petryashin@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0003-4410-7224>

Keywords: O.M. Fishman, Finno-Ugric studies, Soviet ethnography, fieldwork, the Russian Museum of Ethnography

Abstract

Interview with O.M. Fishman by S.S. Petriashin is dedicated to her professional biography, which has been associated with the Russian Museum of Ethnography for 40 years. The interview opens with discussion of the impact of family and university education on becoming an ethnographer. Further, the topics of organization of Finno-Ugric and Sjögrenian readings in St. Petersburg, fieldwork in Latvia and the museum exhibition projects are revealed. In the final part, Fishman talks about the experience of expeditionary work among the Tver Karelians and evaluate the late Soviet ethnography — its problems and achievements.

References

Bromlei, Iu.V. 1973. Etnos i etnografiia [Ethnos and Ethnography]. М.: Nauka.

Фишман О. М. Деревянная утварь верхневолжских карел. XIX–XX вв. Автореф. дисс. к. и. н. Л.: ИЭ АН СССР (ЛО), 1986.

Fishman, O.M. 2003. *Zhizn' po vere: tikhvinskie karely-starobriadci* [Life by Faith: Tikhvin Karelians-Old Believers]. М.: Indrik,

Zaseckaya, M.L., Konkka, A.P. 2022. Vmesto predisloviia. K iubileiu O.M. Fishman [Instead of a Preface. To the Anniversary of O.M. Fishman]. *Severo-Zapad. Etnokonfessional'naia istoriya i istoriko-kul'turnyi landshaft-3. Deviatie Shegrenovskie chteniya s mezhdunarodnym uchastiem. K 75-letiyu O.M. Fishman*. SPb.: 7–18.

